

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
НЕВИННОЙ
ЛЕДИ
ЭМИЛИ

18+

Михаил Филатов

Приключения

невинной леди Эмили

<https://litres.ru/74371139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Невинная прежде наследница своего отца, герцога Райн. Эмили прожила спокойную и размеренную жизнь. Учёба, друзья и знакомые. Звонки и беседы с родственниками по линии Королевы Елизаветы II, что ей приходилась двоюродной прабабушкой.

За два дня, перед тем как ей исполнится 18 лет, её родители были вынуждены срочно уехать по делам посольства в Европу.

Эмили отправили к её родному брату Шону и его жене Нелли, на всё лето. И вот там то всё и началось. Жаркое лето, почти одиночество и желание узнать своё тело получше.

Что ж. Иногда, всё так и начинается. Просто и незатейливо, когда случайны момент, определяет дальнейшую историю.

Содержание

Глава 1. Щель в двери	4
Глава 2. Понимание без слов	33
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Михаил Филатов

Приключения невинной леди Эмили

Глава 1. Щель в двери

Восемнадцать лет наступили тихо, как наступает зима в тех домах, где никто не следит за календарём.

Утром был торт, покрытый кремом цвета слоновой кости, с розочками из сахарной мастики, которые никто и никогда не ест. Днём были звонки от дальних родственников, голоса которых я с трудом отличала друг от друга, одинаково тёплые, и так же одинаково далёкие, убеждённые что говорят что-то важное. Вечером был ужин за круглым столом, три прибора, свечи, которые Нелли зажгла, потому что так делают в особых случаях.

Я смотрела на огонёк, который дрожал от малейшего движения воздуха, и думала о том, что детство заканчивается совсем не так, как рассказывают. Не с фейерверком или торжественным ощущением перехода. Оно просто заканчивается в какой-то обычный момент, пока ты смотришь в другую сторону. А потом оборачиваешься и обнаруживаешь, что оно уже позади, и никто не счёл нужным предупредить.

— Ты сегодня молчаливее обычного, сказал Шон, передавая мне хлеб.

— Думаю.

— О чём?

Я чуть улыбнулась.

— О возрасте.

Он засмеялся, коротко и добродушно, как смеются люди, которые уже прошли то, о чём ты только начинаешь думать.

Шон был красив той спокойной, ненарочитой красотой, которую не хочется рассматривать в упор, только краем глаза, и мельком, как смотришь на что-то, принадлежащее другому. Тридцать лет, широкие плечи, руки, которые умели делать что-то конкретное, чинить, строить, держать. Я привыкла к нему давно и не задумывалась о нём никак иначе, кроме как о старшем брате. Это было удобно и правильно, и мне в голову не приходило, что это может измениться.

Нелли разрезала мясо с той тихой сосредоточенностью, которая была в ней всегда, как будто каждое действие она совершала полностью, аккуратно и без остатка. Она была стройной, с прямой спиной и лицом, которое одни называли бы красивым, другие же, строгим, а я к тому времени просто считала красивым, потому что других слов не подбирала. Жена брата. Нелли. Она жила в нашем доме уже три года, и я знала, как она пьёт кофе, смеётся, убирает волосы за ухо когда читает. Мне казалось, что я знаю о ней всё необходимое.

Я не замечала, как они смотрят друг на друга. Вернее, за-

мечала, но не понимала что именно вижу. За ужином это произошло дважды.

Первый раз, когда Нелли потянулась за солью и её рука задержалась на секунду рядом с рукой Шона на краю стола. Пальцы не соприкоснулись, но что-то в этой близости и в намеренно соблюдаемом расстоянии, было плотнее любого прикосновения. Я перевела взгляд в тарелку.

Второй раз, когда он что-то сказал вполголоса, простое и незначительное о погоде или о соседях, и она посмотрела на него так, как не смотрят на слова. Так смотрят на что-то, что ещё не сказано. Что будет сказано позже, и в другом месте, без свидетелей.

Я почувствовала что-то острое и странное, не смущение, хотя именно его, наверное следовало ожидать. Что-то дру- гое. То, что похожее на внезапное внимание, как будто я шла по знакомой улице и вдруг заметила, что один из домов устроен иначе, чем я всегда думала. Что за обычным фаса- дом, скрываются другие комнаты, и другая жизнь.

Торт ели и негромко беседовали на разные отвлечённые темы, потом Шон убрал тарелки. Нелли сказала мне что-то тёплое и привычное, поздравление, пожелание, и коснулась моего плеча своей лёгкой рукой. Я кивнула.

После одиннадцати дом затих. Я лежала в своей комна- те с включённым светом, глядя в потолок, и думала о том, что мне теперь восемнадцать лет и я совершенно не пони- маю, что с этим делать. Книга лежала раскрытой на животе,

я не перевернула ни одной страницы за последние полчаса. За окном стояло июльское тепло, плотное и неподвижное, такое, от которого не спасает открытое окно.

Я встала выпить воды. Коридор был тёмным, если не считать полосы света, узкой, и жёлтой, почти интимной под дверью их спальни в дальнем конце. Я не думала об этом, когда выходила из комнаты. Просто увидела и замедлила шаг.

Потом остановилась. В полной тишине дома, той настоящей тишине, которая бывает только за полночь, когда умолкает уличный шум и сам воздух перестаёт двигаться, я слышала звуки. Приглушённые, неразборчивые. Такие, которые, если постараться, можно было бы объяснить чем угодно.

Я не старалась их объяснить. Кухня была в противоположном направлении, вода тоже там. Мне следовало повернуться и идти туда, налить стакан, вернуться в комнату, лечь и закрыть глаза.

Я стояла.

Что-то во мне производило сейчас очень серьёзную внутреннюю работу, я чувствовала это по тому, как замедлилось дыхание, как обострился слух, и стало вдруг очень важным не производить лишнего шума. Я убеждала себя, что это секундное любопытство. Что я просто остановилась на мгновение, случайно, и сейчас пойду дальше. Что это ничего не значит.

Но я не шла.

Звуки за дверью не были громкими. Они были, скажем

так, выразительными. В них было что-то неотвратимое, как что-то, что нарастало по своей собственной внутренней логике, независимо от меня, от коридора, от окружающей темноты вокруг. И я стояла в этой темноте и слушала, и пол под ногами был прохладным, и сердце билось чуть быстрее обычного, и мне было, страшно? нет, не страшно.

Мне было очень любопытно.

Не тем бессмысленным любопытством, которое заставляет заглянуть в чужое окно просто потому, что оно открыто. Другим, острым. Почти исследовательским, как будто за этой дверью находился ответ на вопрос, который я ещё не успела сформулировать, но уже ощущала как нехватку.

Я никогда не задумывалась о теле, своём или чужом как о чём-то, требующем стыда. Мне это казалось странным в других людях, эта торопливость прикрыться, реакция покраснеть, отвернуться, и сделать вид, что ничего не произошло. Тело есть у всех. Оно делает то, что делает. Почему это должно быть постыдным?

Но сейчас я понимала кое-что другое, новое. Стыд не единственное, что можно чувствовать. Можно чувствовать вот это.

Этот внимательный, тянущий, горячий интерес не к чужой жизни, а к тому, что происходит между телами. К тому, как они притягиваются друг к другу. К тому, что скрыто за закрытыми дверями не потому, что постыдно, а потому, что слишком своё, слишком живое, чтобы показывать всем.

Я стояла в коридоре, и полоса жёлтого света лежала на полу в нескольких шагах от меня, и за дверью продолжалось то, что продолжалось, и восемнадцать лет наконец ощущались как что-то настоящее.

Не цифра в метрике. Не торт с сахарными розочками.

Вот это.

Я сделала один шаг вперёд и замерла. Прижала пальцы к губам, хотя говорить ничего не собиралась. Просто жест, такой делают, когда хотят удержать что-то внутри. Дыхание. Звук. Мысль, которая ещё не стала словом.

Я простояла там, наверное, ещё минуту или две, или пять, время в темноте ведёт себя иначе, а потом развернулась и пошла обратно в свою комнату. Не на кухню, обратно, вода мне была уже не нужна.

Книга лежала там, где я её и оставила, я легла, но свет не выключала ещё долго.

* * *

Через два дня, я снова тихо подошла к их двери, когда было за полночь.

Щель была узкой, может быть два, от силы три сантиметра. Дверь не была заперта и не была открыта, она просто... не закрылась до конца, и в этом промежутке жил жёлтый свет из спальни, живой и тёплый на фоне коридорной темноты.

Я стояла и смотрела на эту щель, долю секунды. Может быть, чуть дольше.

Потом шагнула к ней.

Не потому что меня кто-то звал, и не потому что я приняла обдуманное решение. Просто ноги сделали то, что им было нужно сделать, пока голова ещё составляла список причин, почему этого делать не следует. К тому моменту, как список был готов, я уже стояла вплотную к дверному косяку, прижавшись к нему так, чтобы занимать как можно меньше места, как будто стена могла поглотить меня целиком, если я постараюсь.

Я приложила глаз к щели.

Первое, что я увидела, это была простыня. Белая, смятая в крупные складки, сброшенная на край кровати. Потом, лампа на тумбочке, абажур которой давал тот самый жёлтый свет, тёплый, и почти янтарный, такой, в котором всё выглядит мягче и старше, чем есть на самом деле. Потом я увидела их.

Шон лежал на спине. В таком свете, с такого угла, он казался мне незнакомым человеком, не братом, с которым мы ели за одним столом, а кем-то совсем другим, выросшим из него и занявшим его место. Нелли была сверху.

Вот и всё, что я успела осмыслить прежде, чем что-то случилось у меня под рёбрами, не от стыда, нет. Скорее от внезапности. От того, что реальное всегда немного не то, что представляешь, чуть более человеческое и оттого куда более острое.

Нелли двигалась медленно, будто стараясь вобрать в себя возбуждённый член Шона ещё глубже и сильнее. Это было

первое, что меня удивило, не само движение, а его темп. Я не знаю, чего я ждала, наверное, чего-то торопливого, неловкого, похожего на те сцены из фильмов, которые монтируют нарезкой, чтобы зрители поняли, что прошло время, и не успели ничего увидеть толком. Но здесь не было нарезки. Здесь было одно долгое, медленное, почти торжественное движение, как будто они оба знали, что никуда не спешат, и никто им не напомнит, что нужно поторопиться.

Шон держал её за бёдра обеими руками. Не крепко, скорее придерживал, как держат что-то ценное, не чтобы удержать, а чтобы чувствовать. Нелли запрокинула голову и сжала пальцами свои соски, и я увидела линию её шеи, длинную, тянущуюся кверху, и подумала, что никогда раньше не замечала, насколько красива эта часть человека. Просто шея, просто линия. Но в том свете, в той тишине, в том неторопливом движении она казалась чем-то таким, для чего у меня не было слова.

Снизу, от лестничного пролёта, донёсся звук, не шаг, просто скрип, дерево в старом доме дышит по ночам, и я отпрянула от двери прежде, чем успела подумать. Прижалась спиной к стене, закрыла глаза, сердце билось быстро, но не от страха. Ну, или от страха тоже, но не того страха, который останавливает.

Тишина. Ничего.

Я перевела дыхание и снова придвинулась к щели.

Они поменяли положение за те несколько секунд, пока я

не смотрела. Теперь Шон был над Нелли, и я увидела его спину, широкую, со смещающимися при движении лопатками, и её руки, лежащие у него на плечах. Не удерживающие, или отталкивающие. Просто лежащие, как будто она хотела чувствовать его через ладони, не только через всё остальное. И в этом жесте, в этих двух ладонях, которые просто лежали на его плечах, пока происходило всё остальное, было что-то такое тихое и настоящее, что у меня перехватило дыхание.

Это было красиво.

Да, вот именно это слово. Не скандальное, и не запретное, не то, что следовало бы немедленно забыть. Красивое.

Тело Нелли в янтарном свете было как что-то нарисованное, её идеальная грудь поднималась и опускалась с каждым вздохом, соски потемнели, напрягшись, и вся она в этом медленном ритме движения была такой живой, такой устроенной под наслаждение, что я не могла отвести взгляда. Шон что-то сказал ей, я не слышала слов, только тональность, низкую и спокойную, и она чуть улыбнулась в ответ, не открывая глаз. Такая улыбка, которая случается сама по себе, изнутри, потому что тело уже не умещается в себе от хорошего.

Я никогда не видела такого выражения лица на живом человеке. Только видела что-то похожее на иллюстрациях в одной очень старой книге по истории искусства, где были скульптуры с этими полуоткрытыми губами и запрокинутыми лицами, и думала, что художники преувеличивают. Что

люди так не выглядят.

Оказывается, выглядят.

Я облизала губы. Горло пересохло, не от волнения и с тем же от него, просто воздух в коридоре был суше, чем в моей комнате, и я вдруг поняла, что стою так уже давно, что шея затекла от неудобного наклона к щели, и пол под ногами холодный, и это всё не имеет никакого значения, потому что я не собираюсь уходить.

Вот тут это и стало выбором.

Не случайностью, не минутным любопытством ребёнка, заглянувшего не туда. Осознанным, тихим, внутренним решением, остаться и смотреть. Потому что мне было нужно. Не им, они меня не звали. Мне. Мне было нужно понять, что именно происходит с человеком в эти минуты, что именно делает тело с телом и что при этом происходит с лицом. С голосом. С руками.

Нелли снова оказалась сверху, они менялись легко, без слов, как будто договорились заранее или давно изучили друг друга до такой степени, что слова стали лишними. Я видела теперь её целиком, стройные бёдра, охватившие его, живот, слегка напряжённый, откиннутые за плечи волосы. И снизу, крупные руки на её талии, его тело, такое мощное рядом с её нежностью, и между ними то место, где они были соединены, и это было не стыдным, это было точным, это было почти анатомически логичным, два тела, устроенных для того, чтобы подходить друг к другу, делающих то, для

чего они устроены.

Я подумала: вот почему. Вот почему за этим закрывают двери. Не потому что стыдно, а потому что это слишком своё. Слишком живое. Потому что это требует темноты и тишины не из-за срама, а из-за сосредоточенности, как молитва, как сон, как что-то, что разрушается от постороннего взгляда не из-за безнравственности, а из-за хрупкости.

И именно поэтому я смотрела, потому что хотела знать, как выглядит эта хрупкость снаружи.

Шон что-то произнёс, снова только тон, низкий и тёплый, и Нелли ответила ему звуком, не словом, просто долгим выдохом с голосом, и я почувствовала этот звук у себя где-то в центре груди. Физически. Как если бы что-то натянулось и не лопнуло, а просто... зазвенело.

Снизу снова скрипнула лестница.

На этот раз я не отпрянула. Просто прислушалась и убедилась, что это снова ничего, просто дом, и вернулась к щели. Я уже не отпрыгивала от каждого звука. Я привыкла стоять здесь, это тоже стало частью моего выбора.

Я смотрела на то, как двигается Нелли, как она берёт то, что ей нужно, не прося и не объясняя, просто берёт, и как Шон смотрит на неё снизу с таким выражением, которое я не умею назвать иначе как полным. Не влюблённым в открыточном смысле. Просто, полным. Как человек, у которого в этот момент нет никаких других мыслей, потому что это занимает всё.

И тогда я поняла, не умом, а чем-то, что располагается ниже ума и глубже груди: то, что я чувствую, глядя в эту щель, это не чужое. Это не любопытство стороннего наблюдателя, которому интересно, как устроены другие люди.

Это моё.

Это что-то, что проснулось во мне, пока я стояла в коридоре, что-то тёплое и тянущее, что хотело не просто смотреть, но и понимать изнутри. Что хотело знать, не о них, а о себе. Что я такое, что у меня внутри, что именно происходит с телом, когда оно решает, что хочет.

Нелли запрокинула голову ещё раз, и её грудь поднялась, соски напряглись ещё сильнее, и она выдохнула долго и с дрожью, и Шон сжал её бёдра крепче, а я стояла в темноте коридора, прижав пальцы к губам, восемнадцатилетняя и невинная, совершенно одна, и ощущала, как что-то во мне тихо и необратимо приходит в движение.

Не событие или решение. Просто начало чего-то нового.

* * *

Я ушла тихо. Не потому что боялась быть услышанной, хотя и это тоже, а потому что шаги казались мне слишком громкими для того состояния, в котором я находилась. Словно я несла внутри что-то хрупкое, что могло расплескаться от резкого движения, от скрипа половицы под неловко поставленной ногой. Я отступала по коридору спиной, медленно, придерживая пальцем защёлку своей двери, чтобы та не щёлкнула, когда я её прикрою.

Щели в двери их спальни уже не было видно.

Я прошла к себе, перебирая пальцами вдоль стены, и только когда мой замок тихо вошёл в паз, выдохнула. Медленно. Как человек, который только что вынес из огня что-то ценное и теперь проверяет, не обгорело ли.

Не обгорело. Комната была та же, что всегда: узкий письменный стол у окна, стопка книг с загнутыми уголками, занавески, которые никогда не закрывались до конца, потому что петля с правого края съехала. Луна уже переместилась и стала другой, ниже и желтее, её свет лежал на паркете косой полосой. Я не зажгла лампу, прошла к кровати, села, стала вспоминать.

Не специально, просто оно само пришло обратно, как возвращается дыхание после того, как долго держал под водой. Нелли. Шон. Свет из их комнаты, тёплый, как из аквариума. Движение, которое я видела через щель, неспешное, почти невозможно нежное для чего-то настолько телесного. Звук её выдоха. Звук его голоса, который не был словом, а только тоном, тёмным и тихим, как гудение далёкой струны.

Я думала, что память выберет что-то не то. Что я начну заикливаться на неловкости, на чужести момента, на том, что подглядывать, это нарушение чего-то важного. Я готовилась к стыду как к законному финалу этого вечера. Стыд казался правильным ответом, единственным, который можно было бы вписать в графу «реакция».

Но память зацепилась не за это.

Она зацепилась за то, как Нелли взяла его руку и переместила. Как она это сделала, без объяснений и лишних слов, просто с точным знанием о том, чего хочет, и с таким же точным доверием к тому, что это будет понято. Рука переместилась. Он понял. И она чуть опустила подбородок как человек, которому дали именно то, о чём он думал весь день.

Это я помнила лучше всего. Не анатомию или подробности. Эту взаимность, что ли, молчаливый договор двух тел, которые уже успели выучить язык друг друга.

Я сидела в темноте и думала: вот что это такое. Не грех. Не тайна, которую прячут из страха. Просто, очень своё. Настолько своё, что чужой взгляд на это кажется почти нарушением законов физики: как можно смотреть снаружи на то, что происходит только изнутри?

И всё же я смотрела, и во мне что-то откликнулось.

Я попробовала назвать это словами. Это было сложнее, чем я ожидала, потому что слов, которые я знала для этого состояния, оказалось мало, и все они были чужими, книжными или подслушанными в чужих разговорах, и ни одно не подходило точно. Не возбуждение в том смысле, который казался мне пошлым. Не зависть и страх.

Любопытство. Острое, как запах свежей летней травы перед грозой, такое, от которого слегка перехватывает горло.

Я подумала: я не боюсь, вот что странно. Я стояла в коридоре незамеченная, смотрела на то, на что, по всем правилам приличного мира, смотреть не полагается, и не чувствовала

страха. Ни страха быть пойманной, или страха перед тем, что я видела.

Только этот острый, тянущий интерес. Как будто мне показали карту незнакомой страны и сказали: вот она существует. Вот её рельеф, вот как по ней ходят люди.

И я поняла, что хочу туда.

Не к Шону, или к Нелли. Не в их комнату. Куда-то более собственное, более... про меня. Я хотела знать, что это такое с моей стороны. Как это работает с моим телом, которое сейчас сидело на краю кровати и ощущалось острее обычного, кончики пальцев, дыхание, место чуть ниже рёбер, где что-то слабо и настойчиво пульсировало.

Я провела ладонями по коленям, просто так, просто почувствовать ткань и тепло, и поняла, что это нормально. То, что я чувствую. То, что моё тело реагирует, это не катастрофа и не диагноз. Это просто устройство. Я устроена так, что это на меня действует, и это не делает меня никем плохим.

Смешно было даже думать слово «плохой» применительно к тому, что я видела в их комнате. Там не было ничего плохого, там было что-то очень живое.

Я легла поверх одеяла, не раздеваясь, и уставилась в потолок. Луна за окном чуть сдвинулась, и её полоса прошла по краю подушки рядом со мной. Тихо было так, что я слышала собственное дыхание и то, что оно чуть учащённое, чем должно быть для человека, который просто лежит.

Я подумала о Нелли, о том, как она двигалась. О том, что

в ней не было ничего, что я бы назвала исполнением. Она не делала это для него, она делала это для себя, и он был частью этого «для себя», важной и желанной частью, но она брала то, что хотела, со спокойной точностью человека, который давно разобрался в том, чего хочет.

Я хотела так же.

Мысль пришла без предупреждения и оказалась совершенно спокойной. Не возмутительной или же постыдной. Просто, точной, как укол булавки сквозь бумагу: вот отверстие, и вот где центр.

Я хотела знать своё тело так же хорошо, как она знает своё. Хотела понять, как оно реагирует, что для него имеет значение, где проходит граница между «приятно» и «невозможно хорошо». Хотела знать о прикосновениях, чужих и собственных, о том, что происходит с человеком, когда ему дают именно то, чего он хочет.

Молиться о том, чтобы забыть увиденное, мне не пришлось в голову ни разу.

Это тоже было важно, заметить это. Ни разу не подумала: хорошо бы, чтобы этого не было. Ни разу не пожелала вернуться в час назад, когда ещё не стояла у той щели. Я стояла там, видела, и что-то во мне открылось как открывается окно, которое раньше было просто стеной, и за ним вдруг оказывается воздух.

Я не хотела закрывать это окно обратно.

Рука моя лежала на животе, и я чувствовала, как он под-

нимается и опускается вместе с дыханием. Просто ладонь на теле. Моё тело. Которое умеет так реагировать, которое сегодня впервые дало мне понять, что у него есть весь этот словарь, и что я его ещё совсем не знаю.

За стеной было тихо. Их коридор, их дверь, за которой что-то происходило и, наверное, теперь уже затихло. Я не прислушивалась. Это было их, совсем их, а я была уже здесь, в своей темноте, с чем-то новым и горячим, которое принадлежало только мне.

Я восемнадцать лет прожила в этом теле и никогда особо не думала о нём как о чём-то, что может меня удивить.

Сегодня оно меня удивило.

И я подумала, что это только начало.

* * *

Я проснулась слишком рано.

Это я поняла сразу, по характеру света за шторами, слишком белому для нормального утра, и по тому, как тихо было в доме. Тишина, в которой ещё не успело развернуться ничего дневного, ни шагов, или шума воды в трубах, ни запаха кофе пробивающегося из кухни. Просто раннее июльское утро, и я лежала поверх одеяла уже не в том положении, в котором заснула, и первые несколько секунд думала ни о чём.

Потом вспомнила. Оно вернулось сразу, целиком и не отдельными кадрами, а одним тяжёлым и горячим куском. Щель. Полоса света, Нелли, которая двигалась так, будто делала это для себя. И то, что произошло потом со мной самой

в темноте, под руками, которые оказались моими.

Я села на кровати и посмотрела на свои ладони, обычные руки восемнадцатилетней невинной девушки.

И тут я подумала: вот сейчас я спущусь вниз, они посмотрят на меня, всё станет понятно. Что-то наверняка изменилось в моём лице, какой-то новый слой, какая-то тонкая пометка. Люди же видят такое, должны видеть. Казалось невозможным, что снаружи я буду выглядеть ровно так же, как вчера и позавчера, когда садилась за стол и просила передать соль или сахар.

Я встала, умылась, расчесала волосы, стояла и смотрела в зеркало дольше, чем обычно.

Ничего, те же сиреневые глаза, тот же прямой взгляд. Лицо как лицо, на котором написано всё примерно то же, что и всегда.

Хорошо, подумала я, или плохо, ещё не решила.

Кухня пахла маслом и поджаренным хлебом. Нелли стояла у плиты спиной ко мне, и её волосы были собраны в быстрый узел на затылке, из которого выбивалось несколько прядей. Она была в халате, лёгком, бледно-зелёном, который я видела уже сотни раз. Самом обычном халате.

Я остановилась в дверях на секунду больше, чем нужно. Она обернулась не от того, что услышала что-то особенное, просто обернулась, как оборачивается человек, почувствовавший присутствие, и улыбнулась мне точно так же, как

улыбалась всегда. Открыто, и немного рассеянно, с тем лёгким теплом, которое я привыкла считать само собой разумеющимся.

— Доброе утро Эмили. Яичницу будешь?

Голос, её голос, нежный, немного сонный, но совершенно обычный. Я не нашла в нём ничего нового. Ничего, что намекало бы на то, что ночью что-то произошло. Ни тени другого регистра. Просто «яичницу будешь» и всё.

— Буду, ответила я и прошла к столу.

Села и взяла кружку. Налила себе чай из уже заваренного чайника. Руки двигались как полагается с утра, и я наблюдала за ними с лёгким удивлением, за их спокойствием.

Именно её обычность меня и сбила. Я готовилась к чему угодно, к неловкости, тому, что она посмотрит иначе, или избегаяще, или, наоборот слишком прямо. Но она посмотрела на меня как всегда, и это оказалось куда мощнее любого подозрения. Её спокойствие накрыло меня, как накрывает волна, не с силой, а своим весом. Стало трудно дышать в правильном темпе. Я сделала глоток сладкого горячего чая.

Нелли поставила передо мной тарелку, яичница с помидорами, немного зелени сверху. Её пальцы отпустили краешек тарелки, и я невольно посмотрела на эти пальцы. Ровные ногти, тонкое запястье. Бледно-зелёный рукав халата соскользнул чуть выше.

Просто запястье.

Я опустила взгляд в тарелку и напомнила себе, что нужно

есть.

Шон появился минут через десять в футболке и джинсах, с влажными волосами после душа, и с видом человека, который уже успел принять три решения и думает о четвёртом. Он взял себе кофе, постоял немного у окна, и что-то сказал Нелли о том, что надо бы позвонить кому-то насчёт чего-то, связанного с машиной. Она кивнула. Потом он посмотрел на меня.

— Выспалась? спросил он.

Вот тут что-то во мне почти засмеялось. Не злобно, просто с тихим изумлением.

— Да, сказала я. — Вполне.

— Хорошее утро, тёплое и спокойное, сказал он, будто это завершало важный осмотр, и вернулся к своим мыслям о машине.

Я смотрела, как он пьёт кофе. Как он стоит у окна, занятый собой, и совершенно не смотрит на меня тем взглядом, который должен был бы всё изменить. Он не знал ничего. Не потому что скрывал, просто не знал, и мир для него был тем же самым, что и вчера, и позавчера, и неделю назад. Всё, что случилось ночью, случилось исключительно в коридоре второго этажа и в темноте моей комнаты. Больше нигде.

Я почувствовала что-то похожее на разочарование, и только потом поняла, насколько это комично. Я хотела, чтобы мир перевернулся вместе со мной. Я хотела какого-то внеш-

него подтверждения, знак, трещина в фарфоре, хоть что-нибудь. А он стоял и пил кофе.

Мир не заметил, мир вообще не в курсе, ему было всё равно.

Нелли убирала со стола, а я наблюдала за ней.

Раньше я никогда так не смотрела. Просто не было причины, и не было языка на котором это можно было делать. Теперь язык появился, но я не знала, что с ним делать, кроме как молча замечать.

Вот как она откидывает прядь за ухо, жест такой привычный, что она наверное не замечает его сама. Вот как она наклоняется за упавшей ложкой, и халат чуть натягивается поперёк бедра. Вот как она смеётся чему-то, что говорит Шон, коротко, почти беззвучно, уголком губ.

Это был тот же смех, который я слышала вчера ночью. Только вчера он был другим, тот тёплый смех был обжигающим.

Я не думала ничего предосудительного, просто, замечала. Это было новое умение, появившееся за две ночи у щели их двери, как умение читать слоги, которые вдруг складываются в слова. До этого, все эти жесты были просто жестами, привычными, бытовыми, нейтральными. Теперь в каждом из них мерещился второй слой, который всегда был там, просто я не умела его видеть. Нелли ведь всегда была такой. Тепло, которое знает себя. Человек, который давно разобрался

в том, чего хочет. Это не изменилось вчера, это просто стало мне наконец видно.

— Тебе налить ещё? спросила она, и я вздрогнула.

— Нет, спасибо.

Она кивнула и отвернулась, и я перевела взгляд в окно.

Потом Шон ушёл куда-то по своим делам, с телефоном у уха, и в кухне стало тише. Нелли домывала посуду. Я сидела с пустой кружкой, и мне не хотелось уходить, хотя логичнее всего было уйти.

Сидела и думала о том, что ничего не изменилось снаружи. Дом был тем же, кухня была той же. Нелли улыбалась так же, как всегда. Шон не заметил ничего, потому что смотреть было не на что, и внешне всё осталось прежним.

Но во мне что-то сдвинулось необратимо.

Не в смысле потрясения или катастрофы, ничего подобного. Скорее как с книгой: читаешь фразу, и она тебе ничего не говорит, а потом спустя год читаешь её снова и вдруг понимаешь. Не слова изменились, изменилось то, с чем ты их читаешь.

Я прожила эти восемнадцать лет спокойно и беззаботно, ни разу толком не думая о теле, ни о своём, ни о чужом, как о чём-то, что имеет этот язык. Тело было просто тем, в чём ты живёшь. Инструментом. Контейнером. А оказалось, это ещё и территория, которую можно исследовать, и у неё есть свои законы, и этих законов я совсем не знаю, хотя прожила

с собой восемнадцать лет.

Это казалось почти невежливым с моей стороны. Что ли даже немного смешным и забавным моментом.

Нелли поставила последнюю чашку, обтёрла руки полотенцем. Посмотрела на меня, быстро, и без особого значения, спросила, не буду ли я выходить на улицу, потому что сегодня обещали хорошую погоду.

— Может быть, сказала я.

Она кивнула и вышла.

Я посидела ещё немного в тишине.

Снаружи всё было прежним. И это оказалось самым странным открытием утра: то, что перевернулось внутри, не оставило ни единого следа на поверхности. Никто ничего не прочитал по моему лицу. Мир не пришёл выразить соболезнования или поздравления. Он продолжил крутиться как ни в чём не бывало, с яичницей, кофе и разговорами о машине и прочих мелочах.

А значит, это было только моим. Целиком, полностью, и без посредников.

Я встала, поставила кружку в раковину и подумала, что, наверное, именно в этом и состоит дело.

Тело, оно твоё, и то, что ты с ним открываешь, оно тоже твоё. Никто снаружи этого не видит, потому что это происходит там, куда снаружи нет входа. И именно поэтому никакого стыда нет, просто по устройству этого. И потому что это твоё, и никто другой не имеет к этому ни доступа, как и

права комментировать, ни даже способности заметить.

Я вышла из кухни в коридор. Посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж. На ту сторону, откуда спустилась.

Просто лестница и коридор.

Но я уже была другой, иная, чем та, которая поднималась по ней теми ночами. И это знание было тихим, плотным и совершенно устойчивым, как что-то, что заняло наконец правильное место.

* * *

Этой ночью, полоска света была там снова, опять.

Узкая, тёплая, и почти неразличимая на фоне тёмного коридора, она лежала поперёк пола, как закладка в книге, которую не собираются закрывать. Я стояла в пяти шагах от двери и смотрела на неё, и на этот раз в голове не было ни единой истории про случайность, про то, что просто не спится, про то, что просто хотела воды.

Просто свет, я осознанно сделанный выбор.

В прошлый раз я оказалась здесь почти произвольно, как человек, который идёт в темноте и не сразу понимает, что именно ищет. Ноги привели, голова догнала потом. Сегодня всё было иначе: я спустилась со второго этажа осознанно, медленно, держа в уме не оправдания, а сам факт. Я хочу снова их увидеть. Я хочу снова услышать их тёплые и нежные голоса, тела. И я пришла, потому что хочу, а не потому что так вышло.

Это маленькое различие казалось мне огромным.

Я могла бы уйти. Это не было бы слабостью или трусостью, просто другим выбором, таким же законным, как и этот. Я честно держала обе возможности рядом, взвешивала их без спешки. Путь обратно в свою комнату был таким же реальным, как пять шагов вперёд. И никто бы не узнал, ни Шон, Нелли, ни тот безликий кто-то, которого мы все держим в уме, когда боимся быть осуждёнными.

Я выбрала вперёд.

Не потому что не смогла устоять. И не потому что влечение оказалось сильнее разума, как это принято описывать в романах, где влечение всегда немного виновато, всегда чуть-чуть за границей приличного. Я выбрала вперёд просто потому что хотела. ясно, и спокойно, без дрожи в руках, это желание было моим, выросшим из меня, не подброшенным кем-то со стороны и не внушённым. Оно жило во мне с той минуты, как я проснулась утром и обнаружила, что ночь изменила что-то в устройстве меня.

Я сделала эти пять шагов.

Коридор был в темноте, но не в той мёртвой темноте, которая давит. Скорее в тёплой летней темноте, когда окно в конце коридора пропускает немного небесной синевы и силуэты деревьев снаружи угадываются сквозь стекло. Где-то за домом шумела листва, едва слышно, как чьё-то ровное дыхание. Пол под босыми ногами был чуть прохладным и гладким, я шла совсем тихо, как ходят в домах, где другие спят, хотя здесь, конечно, не спали.

Это я поняла прежде, чем приложила ухо к двери.

Звуки просачивались сквозь деревянную панель, приглушённые, но совершенно внятные, ритм, ставший мне уже немного знакомым за прошлые ночи, и поверх него плыл голос Нелли, низкий, почти неразличимый, перешедший в то, что сложно назвать словом. Не слова, а что-то глубже слов.

Я прислонилась плечом к косяку и закрыла глаза на одну секунду.

Странное дело, я ожидала, что снова накроет та же смесь жара и растерянности, которая опрокинула меня прошлой ночью. Но этого не произошло, вместо этого была тишина внутри, несмотря на всё, что снаружи, и в этой тишине что-то очень спокойное и очень ясное. Я здесь, и я хочу это слышать, я не виновата в том, что хочу и желаю.

Это была, наверное, самая простая мысль, которую я когда-либо думала. Но именно поэтому она что-то меняла.

Потом я открыла глаза и посмотрела в щель.

Дверь стояла чуть неплотно, ровно настолько, чтобы свет падал на пол коридора тонкой полоской. Угол был неудобным, обзор узким, но достаточным. Нелли лежала на спине поперёк кровати, волосы рассыпались по простыне, и в свете прикроватной лампы её кожа казалась тёплой и светящейся изнутри, как фарфор, если поднести его к огню. Грудь у неё была запрокинута с выдохом, соски тёмные, возбуждённые, влажные и приподнятые, и Шон, я видела его со спины, широкоплечего, собранного в движении, Шон держал её бёдра,

и я поняла по одному только взгляду на то, как она тянется к нему, что она хочет его так, как, наверное, хотят что-то, без чего сложно дышать.

Я смотрела.

Шон двигался глубоко и ровно, я видела как Нелли ловит ритм, как тело её отвечает, ни секунды промедления, никакого притворства. Это было настоящим. Именно это меня и поразило, насколько это было настоящим. Не тем, что показывают в кино, или тем, что описывают в книгах с уклончивыми метафорами, а тем, что происходит на самом деле между двумя людьми, которые не притворяются ни перед кем, потому что думают, что их никто не видит.

Я видела.

И во мне, снизу, оттуда, где вчера что-то проснулось и не ушло обратно, снова поднималась та волна тепла, которую я теперь уже узнавала. Не пугалась её, не пыталась объяснить или оправдать. Просто узнавала. Как узнаёшь собственный почерк.

Нелли что-то произнесла, тихо, и почти без звука, запрокинула голову, обнажая шею. Шон наклонился к ней, я не видела его лица, но видела, как она потянулась навстречу. Он был крупным, это было очевидно даже в скользком боковом свете, очевидно по тому, как она реагировала, по той смеси усилия и удовольствия, которая читалась в каждой линии её тела. Что-то во мне сжалось от этой очевидности, не от испуга, а скорее от того острого любопытства, которое я

ещё не умела ни называть, ни унять.

Я хотела понять всё это изнутри. Не просто смотреть, знать. Чувствовать, нести это в собственном теле, а не только наблюдать через узкую щель в чужую жизнь.

Это было новым пониманием, не таким, которое пугает, а таким, которое даёт направление.

Я простояла там долго, дольше, чем прошлые два раза. Коридор был тих, листва за окном шумела медленно, как прибой. Пол под ногами оставался прохладным, и я не двигалась, потому что двигаться не хотелось, хотелось именно этого, стоять, и слышать, видеть, и чувствовать, как что-то во мне устанавливается на место с негромким, но отчётливым щелчком.

Нелли тихо вскрикнула, совсем коротко, как выдох, который не удержался, и в коридоре стало почти слышно это эхо. Я почувствовала, как у меня перехватывает дыхание, и поняла, что сжала пальцы в горсть сама не заметив.

Я не испорченная, поняла это так же ясно, как понимаешь, что на улице сегодня тепло, без споров, и без доказательств, просто потому что это именно так. Никто не вложил мне это желание в голову, никто не принудил меня стоять здесь. Я здесь потому что мне это нужно, потому что я устроена так, что хочу знать, хочу чувствовать, хочу быть частью этого огромного и совершенно не страшного мира, где у тел есть такой язык.

И то, что я стою здесь, это не слабость и не болезнь. Это

начало.

Когда Нелли затихла и звуки за дверью стали медленнее, мягче, перешли в тот регистр, где уже не ритм, а просто близость двух любящих друг друга людей, умеющих быть рядом, я отошла от двери. Не резко, или в панике. Просто развернулась и пошла обратно по тёмному коридору, мимо синего прямоугольника окна, мимо тени лестницы.

Босые ноги ступали бесшумно.

Я поднялась к себе, легла поверх одеяла, уставилась в потолок. Внутри было тихо и полно, как стакан воды, который несут очень осторожно, чтобы не расплескать. Желание не ушло, оно никуда не делось, просто легло рядом и дышало.

Я подумала, что это и есть, принять что-то в себе. Не примириться со стыдом, а обнаружить, что стыда не было никогда, просто не было ещё языка, которым это называют.

Теперь язык появился.

И следующий шаг, каким бы он ни оказался, я сделаю сама. Потому что хочу. Потому что это моё.

Потому что именно в этом и есть смысл.

Глава 2. Понимание без слов

Образы не уходили.

Я лежала на спине поверх одеяла, так и не укрылась, было тепло, и июльская ночь дышала в приоткрытое окно чем-то травяным и чуть пыльным, лежала и смотрела в потолок, где не было ничего, кроме бледного пятна от уличного фонаря. Но я видела не потолок. Я видела то, что видела раньше: спину Нелли, изгиб её позвоночника, то, как она откидывала голову назад, плавно, без усилия, как будто её позвала вода и она согласилась. Шон за ней и его возбуждённый влажный от любовных соков, член, что нежно и меняя ритм входил в лоно Нелли. Влажные звуки и стон возбуждённых тел, которые я слышала сквозь дверь ещё до того, как позволила себе смотреть.

Запах тоже остался. Тёплый, немного душный, незнакомый, я не знала тогда, как его назвать, и не знаю сейчас, есть ли для него точное слово. Тело помнит то, что ум ещё не успел понять и принять, осознать.

Я пролежала так, наверное, полчаса, или больше, время в темноте неточное, и в конце концов поняла, что это не пройдёт. Не потому что меня мучает совесть. Совесть не было. Было другое: что-то под кожей, в нижней части живота, не боль и не тревога, а нечто, похожее на голод, когда не знаешь точно, чего хочешь съесть, но точно знаешь, что хочешь.

Это было новое ощущение. Не неприятное, просто новое, как первый глоток горячего чая, когда не ожидал, что будет так крепко.

Я повернулась на бок, потом обратно. Простыня под лопатками была слегка влажной не от жары, а от чего-то другого, от этого состояния напряжённого ожидания, которое я сама не умела ни удовлетворить, ни сбросить.

Я думала о Нелли, о том, как она звучала. О том, что не было в этом звуке ничего, кроме чистого, незащищённого присутствия в собственном теле и никакого стыда, никакого извинения за то, что это происходит с ней и что ей хорошо. Это меня поразило тогда, у двери, и поражало сейчас: такая полная, такая очевидная принадлежность самой себе.

Мне захотелось знать, какого это, изнутри. Я провела ладонью по животу.

Просто так, почти без намерения, ладонь лежала у меня на рёбрах, я переместила её вниз, медленно, через живот, и остановилась там, где живот переходит в то, что ниже. Хлопок ночной рубашки был тонким, почти не ощутимым. Я лежала и прислушивалась к тому, что происходит внутри.

Голод стал точнее.

Я не стала называть это стыдом, назвала правильно: желание. Моё, никем не вложенное, никем не предписанное. Никто не говорил мне стоять у той двери, я стояла сама. Никто не говорил мне сейчас лежать вот так, с ладонью на животе, в темноте, слушая, как за окном шумит листва. Это было моё,

и это было правильным словом.

Я убрала ладонь на секунду, только чтобы стянуть рубашку через голову и бросить её куда-то в сторону. Потом легла обратно, на голую простыню, и почувствовала это иначе: прохладный хлопок под спиной, лопатками, задней поверхностью бёдер, и воздух на коже, везде, и без какого-то мешающего барьера.

Это уже само по себе было что-то.

Я понятия не имела, что делать дальше. То есть я знала, в каком-то общем, и теоретическом смысле знала, видела, понимала устройство, но знать и уметь разные вещи. Я никогда не делала этого раньше. Руки чуть неловко, с осторожностью, как будто я пробую незнакомую поверхность.

Я начала с бёдер, просто проводила ладонью по внутренней их стороне, вверх и вниз, медленно. Кожа там оказалась неожиданно чувствительной, не то чтобы я думала, что нет, но я не ожидала, что прикосновение собственной руки будет таким заметным. Это показалось мне почти смешным: я не знала собственного тела, буквально не знала, что оно чувствует, когда его касаются.

Потом я переместила пальцы туда, куда, собственно, и шла.

Первое прикосновение к клитору, мягкое, и почти вопрошительное, я невольно втянула воздух. Не от испуга. От того, что это оказалось совсем не похоже на то, как я это себе представляла. Острее. Непосредственнее. Как если бы меж-

ду мной и ощущением не было никакого расстояния, и оно было прямо здесь, прямо сейчас, без предупреждения.

Я остановилась на секунду, прислушалась к себе.

Потом продолжила.

Я двигала пальцами медленно, нащупывая, не технику, потому что никакой техники у меня не было, а просто то, что отзывается. Тело отвечало неровно, то острее, то тише, и я следила за этим почти как за разговором, в котором нужно уловить интонацию. Дыхание стало короче. Я не пыталась его контролировать, просто отметила, что оно изменилось.

В какой-то момент я осторожно сдвинула пальцы ниже.

Там было влажно, сильнее чем я ожидала, значительно больше, и я на секунду остановилась, потому что это тоже было открытием. Тело уже отвечало. Без разрешения и инструкций, оно само решило, что происходящее его касается и что оно согласно.

Я осторожно ввела один палец внутрь.

Это было странно и не странно одновременно. Тесно, непривычно, и я двигалась медленно, прислушиваясь не к боли, боли не было, а к тому, что есть. Потом второй палец, тоже медленно. Большой палец тем временем скользил по клитору, почти случайно, и именно это, наверное, и решило дело.

Я не понимала, насколько близко была.

Оргазм пришёл раньше, чем я успела его распознать как таковой, не как нечто, к чему идёшь и куда прибываешь, а

как ответ, который случился прежде, чем вопрос был сформулирован до конца. Волна, тоже не подходящее слово, потому что волна это что-то плавное, а здесь было скорее как короткое замыкание: всё вдруг стянулось в одну точку, и мышцы внутри сжались сами, и я услышала собственный выдох, короткий, почти беззвучный, и потолок над головой поплыл куда-то в сторону, в пустоту.

Пальцы я не убрала сразу. Держала пока не прошло это внутреннее, ритмичное, совершенно произвольное движение, и только потом, медленно, вытащила их и просто положила руку рядом с собой на простыню.

Я лежала.

Потолок вернулся на место, листва за окном шумела негромко, равномерно. Фонарь снаружи делал то же бледное пятно на побелке. Ничего не изменилось снаружи. Внутри всё было тихо, той особенной тишиной, которая наступает после того, как напряжение наконец отпустило, и ты понимаешь, что напряжение было именно таким: нечто, требовавшее ответа, и теперь ответ получено.

Вот оно, подумала я, вот что это было.

Не катастрофа. Не что-то запретное, не что-то, что теперь нужно прятать или за что нужно краснеть. Просто, ответ. Прямой, точный, и без посредников. Тело умеет и знает чего хочет, и это его умение, и моё тоже, потому что тело это я, а не что-то чужое, что зачем-то тащится за мной следом.

Я подумала о Нелли и о том коротком звуке, который она

не сдержала. Теперь я понимала его иначе. Не как что-то, что я подсмотрела в чужой жизни, а как что-то, у чего теперь есть соответствие в моей собственной.

Это было тихое, очень конкретное ощущение правильности.

Я перевернулась на бок и натянула на себя угол простыни. Спать я, кажется, ещё не хотела, но и лежать вот так, с этим новым знанием внутри, было хорошо. Было достаточно.

Рубашка так и осталась где-то у стены. Я не стала её искать.

* * *

На следующее утро.

Шон и Нелли уехали рано, ещё до того, как я проснулась. Я услышала хлопок двери и шум мотора сквозь сон, перевернулась на другой бок и снова задремала. Когда всё-таки встала, дом был пустым тем особым образом, каким бывает пустым жильё, где живёт больше одного человека, а сейчас нет никого, не просто тишина, а тишина с отсутствием.

Я зашла на кухню в одной рубашке, ту, что вчера бросила у стены, я всё-таки нашла утром, и поставила чайник. Пока он закипал, стояла у окна и смотрела на сад. Листья на яблоне не шевелились. Жара началась ещё с утра, густая и неподвижная, такая, при которой всё в доме кажется немного сонным, немного медленным.

Потом я посмотрела на ящик с овощами.

Он стоял на нижней полке у холодильника, плетёный, с

остатками земли по краям. Картошка, лук, несколько помидоров. И огурец. Длинный, тёмно-зелёный, в мелких пупырышках, холодный на ощупь. Я взяла его почти машинально и аккуратно вымыла под тёплой водой не задумываясь, и только потом поняла, что взяла его не для завтрака.

Чайник свистнул. Я сделала чай, села за стол и обхватила кружку обеими руками.

Вчера я узнала кое-что. Не открыла ничего нового в мире, мир вчера остался ровно таким же, каким был, но узнала что-то конкретное о том, как устроено моё собственное тело. Это было похоже на то, как впервые разобраться в механизме часов: не то что раньше не знала, что они тикают, но теперь знала, почему. Большой палец на клиторе, и вот здесь тело мгновенно меняет регистр. Два пальца внутри, и мышцы реагируют совершенно произвольно, как будто их никто не просил, а они уже ответили. И ещё, я не понимала, как близко была, пока это не случилось.

Это казалось мне важным. Не в смысле важности события, событие было маленьким и никого, кроме меня, не касалось, а в смысле того, что я теперь знала нечто, чего не знала раньше. И что можно было знать больше.

Я допила чай. Огурец лежал на столе рядом с кружкой.

Я никогда не понимала людей, которые стесняются своего тела. Тело, это единственное, что точно твоё, и его не надо стесняться, им надо наслаждаться когда хочется. Это казалось мне самоочевидным, как таблица умножения, и вместе

с тем вчера я убедилась, что знать это умозрительно и знать это телесно, совершенно разные вещи.

Дом стоял пустой. Жара давила на окна снаружи. Я взяла вымытый огурец и пошла в комнату.

Сначала я просто лежала и держала его в руке, он уже слегка стал прохладным, тяжёлый, с той ровной плотностью, которая у живого тела была бы невозможна. Гладила пальцем пупырчатую кожуру. Прислушивалась к тому, что происходит внутри, не снаружи, там было ничего особенного, а именно внутри, там, где вчера произошло то, что произошло.

Интерес был точным и незатуманенным. Не возбуждение в том смысле, в каком я тогда ещё не очень хорошо понимала это слово, а что-то более методичное. Вопрос, на который хотелось ответа.

Рубашку я сняла и бросила на спинку стула. Легла на спину, и согнула колени.

Я начала с того, что знала: провела кончиком пальца по клитору, один раз, медленно, и тело отозвалось мгновенно, как будто ждало. Это меня почти рассмешило. Надо же, подумала я, как просто. Как будто выключатель, который никуда не пропадает и всегда на одном месте.

Потом взяла огурец и поднесла к себе кончиком, чуть надавив.

Холод был неожиданным. Я вздрогнула, не от боли, боли

не было, а от контраста: всё там было тёплым, разогретым от собственных пальцев и внутреннего жара и ожидания, а огурец был кухонным, прохладным, равнодушным к происходящему. Я остановилась. Подождала, пока кожа привыкнет. Потом надавила чуть сильнее.

Вошёл он медленно. Я помогала себе, медленно двигала бёдрами, нашла угол, при котором не было сопротивления, и вот уже несколько сантиметров внутри, и ощущение было совершенно другим, чем вчера с пальцами. Плотнее, объёмнее. Тело чувствовало форму, не просто присутствие, а именно форму, длину, то, как он давит изнутри на переднюю стенку.

Я замерла и просто подышала.

Потом левой рукой медленно, почти лениво, начала касаться клитора. Не торопясь, изучающе.

Реакция была немедленной и несоразмерной усилию, по бёдрам прошла тёплая волна, внутренние мышцы чуть сжались и огурец ощутился острее, чётче, как будто тело вдруг решило обратить на него особое внимание. Я чуть двинула им совсем немного, почти не сдвинула, и это простое движение дало ощущение настолько конкретное, что я невольно задержала дыхание.

Вот как это работает, подумала я.

Это не было откровением в торжественном смысле. Это было больше похоже на то, когда долго пытаешься понять какую-нибудь задачу и вдруг видишь, в каком месте была

ошибка: ничего не изменилось, но теперь понятно. Тело реагирует на давление изнутри, и эта реакция усиливает всё остальное, и всё остальное усиливает её, это не случайное совпадение, так задумано.

Я продолжала.

Левая рука двигалась ровно, почти механически, большой палец по клитору, небольшими кругами, а правая держала огурец и чуть-чуть, очень медленно двигала им туда-обратно. Я следила за тем, что происходит с тем же вниманием, с каким можно читать книгу на непростом языке, понимаешь не каждое слово, но контекст становится яснее с каждой страницей. Вот это, нравится больше, здесь тело вздрагивает сильнее. Вот если совместить движение внутри с нажимом снаружи, тогда всё резко становится громче.

Жара за окном не менялась. В доме стояла та же пустая тишина.

Я не торопилась к финалу.

Вчера оргазм случился раньше, чем я успела его распознать, он был ответом на вопрос, который я ещё формулировала. Сегодня я хотела понять вопрос. Я хотела знать, как устроено то, что предшествует, этот нарастающий гул в бёдрах, это постепенное сужение внимания до одной точки, это ощущение, что тело начинает диктовать собственный темп, и если ему не мешать, оно знает, куда идёт.

Я чуть прибавила.

Мышцы внутри сжались сами, крепко, на секунду, и я по-

чувствовала это так явно, что остановила руку и просто поддержала огурец неподвижно, пока сжатие не прошло. Подождала. Дыхание стало другим, не тяжёлым, но частым, неглубоким, как будто лёгким сейчас хватало меньше места.

Потом продолжила.

Финал пришёл не как вчера, не как замыкание, а медленнее, длиннее, с большим предупреждением. Я чувствовала, как он приближается, волна, которая нарастает откуда-то снизу живота и тянется вверх, и на этот раз успела его встретить: не расслабилась, а, наоборот, чуть сильнее прижала большой палец и замерла в этой точке. И тогда всё, что нарастало, схлопнулось внутрь и разошлось снова, долго, несколько секунд, и я слышала собственное дыхание, и потолок над головой был очень белым и очень неподвижным и одновременно плывущим куда-то в сторону, руки я убрала только тогда, когда последнее сокращение прошло совсем и потолок перестал плыть перед глазами.

Я лежала. Огурец остался рядом на простыне, нелепый, обыденный. Я тихонько засмеялась. Потолок был прежним, июльская жара не отступила. За окном по-прежнему не шевелились листья на яблоне.

Но внутри у меня было что-то новое, не взволнованное, или торжественное, а спокойное и очень точное. Тело разговаривает, поняла я. Не метафорически, а буквально, у него есть свой язык, есть словарь, и этот словарь можно учить. Я сегодня выучила несколько слов. Их было мало, несравнимо

мало с тем, сколько их, должно быть, существует.

Я хотела выучить его полностью.

Это было не желание в смысле нетерпения. Это было желание в смысле направления, как когда понимаешь, что хочешь научиться плавать не потому что завтра надо, а потому что вода есть, и она большая, и ты уже знаешь, что она держит.

Я встала, подобрала рубашку и пошла обратно на кухню. Чайник давно остыл. Я поставила его снова.

* * *

После обеда.

Дверь в мою комнату открылась без стука.

Я не слышала, как она вернулась. Не слышала ни шагов в коридоре, ни звука замка на входной двери, только вдруг дверной проём перестал быть пустым, и в нём стояла Нелли. В лёгком летнем платье, с сумкой на плече, с тем выражением лица, с каким возвращаются с рынка, немного усталым, и немного рассеянным.

А потом она увидела меня.

Я не успела, Рука, та, которой я прижимала к себе ладонь, не успела ничего. Простыня была скомкана, рубашка задрана до пояса, и огурец, нелепый, обыденный, которым я только что познавала опять собственное тело с неторопливой серьёзностью исследователя, был там, где он был. Никуда не делся.

Вот и всё, подумала я. Совершенно отчётливо, как будто

кто-то произнёс это вслух.

Сердце сделалось слишком большим для грудной клетки. Оно не билось, оно колотилось где-то в горле, в ушах, кончиках пальцев. Тело, которое несколько секунд назад было моим и только моим, тихим, исследовательским, бесстыдно откровенным с самим собой, вдруг стало чужим через чужой взгляд. Я почувствовала это физически: как будто кто-то включил свет в комнате, где привыкла быть в темноте.

Я не двигалась. Убрать руку, опустить рубашку, натянуть простыню, всё это требовало движения, а движение требовало решения, а решения у меня не было никакого. только этот ступор, этот горящий пульс в висках, и Нелли в дверях с сумкой на плече.

Ждала смеха. Ждала отвращения, холодного или горячего, неважно. Ждала слов, любых слов, потому что слова дали бы хоть какую-то форму тому, что происходило, хоть какую-то возможность ответить или сжаться или исчезнуть в стене за спиной.

Нелли не сказала ничего.

Она смотрела на меня. Несколько секунд, может, пять, может, больше, время в этот момент вело себя странно, и в её взгляде не было того, чего я ждала. Не было ни возмущения, как и насмешки, или той быстрой брезгливой гримасы, которую я уже успела нарисовать в воображении. Она смотрела спокойно, почти нежно. Как смотрят на что-то знакомое.

Потом она переступила через порог и закрыла за собой

дверь. Изнутри.

Замок щёлкнул тихо.

Сумка опустилась на пол у стены, без слов и объяснений. Нелли поставила её аккуратно, как ставят вещи в собственной комнате.

Я до сих пор не двигалась. Позвоночник, кажется, забыл, как работает. Лёгкие тоже, я дышала неглубоко, почти осторожно, как будто боялась нарушить что-то хрупкое в тишине между нами.

Тишина была ненормальной. Не пустой, а плотной и насыщенной, как воздух перед грозой, когда листья ещё не шевелятся, но уже чувствуется, что через минуту всё изменится. Жара за окном никуда не делась. Яблоня за стеклом стояла неподвижно. Где-то в доме или за стеной, тикали часы.

Нелли подошла к кровати.

Я подняла на неё глаза снизу вверх, с того места, где лежала, и поняла, что жду ещё чего-то, слова, сигнала, хоть какого-нибудь знака. Но она молчала. Она просто смотрела на меня, и в этом взгляде не было вопроса, не было разрешения, или запрета. Было что-то другое, для чего у меня пока не было слова.

Она опустилась на край кровати медленно, без суеты, как человек, который уже принял какое-то решение давно и теперь просто воплощает его. Матрас просел под её весом. Я почувствовала это через простыню, это тёплое смещение рядом.

Её рука легла на моё бедро легко, без нажима, и на секунду замерла.

Потом она взялась за огурец.

Медленно, очень медленно. Её пальцы были тёплыми, я почувствовала это сразу, контраст с прохладой от окна, которую я совсем не замечала до этого момента. Она обхватила его аккуратно и потянула плавно, без рывка, как если бы знала, что торопиться некуда. Тело мне отозвалось тем самым долгим, медленным движением изнутри, от которого перехватывает дыхание. Я зажмурилась на секунду и снова открыла глаза.

Нелли смотрела на огурец в своей руке так же спокойно, так же без выражения осуждения, и поднесла его к губам.

Я наблюдала за этим, кажется, остановив дыхание совсем.

Она облизала его медленно, от основания к кончику, и отложила в сторону на простыню с тем же спокойным, почти деловым жестом, с которым, наверное, откладывают книгу, когда теряют страницу. И тут же, без паузы как будто одно перетекало в другое, она наклонилась.

Её волосы упали вниз, щекоча мою кожу, лёгкое, неожиданное ощущение.

И её губы коснулись меня.

Первый звук, который я издала, не слово. Что-то короткое, почти беззвучное, что вырвалось само, раньше, чем я успела его удержать. Потому что это было не то, что я делала сама с собой. не то. Это было теплее, мягче. С каким-то рит-

мом, который принадлежал не мне, который приходил снаружи и при этом знал, куда идёт.

Её язык нашёл мой клитор без промедления, уверенно, точно, как человек, который знает дорогу, и начал медленно, очень медленно двигаться. Небольшие круговые движения. Лёгкое давление, отпускание, снова давление. Я лежала и смотрела в потолок, тот самый белый неподвижный потолок, который уже видела сегодня, и у меня было странное ощущение, что я нахожусь сразу в двух местах: здесь, в этой кровати, в этой жаре, с этим нарастающим теплом в животе, и одновременно чуть выше, наблюдая за собой сверху, с отстранённым изумлением человека, у которого только что опрокинули все ожидания.

Я ждала осуждения, но я получила только нежность.

Эта мысль прошла сквозь меня медленно, как тепло от горячего чая, изнутри наружу, до кончиков пальцев. Не осуждение или смех. Не «как ты могла». Это.

Её пальцы скользнули вниз, я почувствовала их прикосновение там, где я сама никогда не касалась себя, где кожа была особенно тонкой и чувствительной, и она начала ласкать меня там медленно, едва уловимо, кончиком пальца описывая небольшие осторожные круги вокруг ануса. Не настаивая. Просто, присутствуя там. Как напоминание, что тело больше, чем я успела изучить.

Я не напряглась, это меня удивило, что я не напряглась.

Тело знало что-то, чего я ещё не знала умом. Оно про-

сто открывалось. Как будто давно ждало этого, не этого конкретного прикосновения, а самого права на него. Права быть изученным и права не прятаться.

Наращение пришло быстрее, чем я ожидала, потому что я не ожидала ничего, у меня не было готовой картины, с которой можно было бы сравнивать. Её язык двигался ровно, без спешки, и именно это эта невозмутимая, внимательная ровность, разбирала меня по частям медленнее и тщательнее, чем любая торопливость. Я слышала своё дыхание. Оно снова стало неглубоким, частым, то самое, которое я сегодня уже учила распознавать.

Только сейчас оно было другим, потому что сейчас я его не контролировала.

Когда всё схлопнулось, длинно, с предупреждением, волной, которая нарастала откуда-то из самого низа живота и разошлась вверх и вниз одновременно, я не сдерживала звука. Просто не успела, что-то вырвалось, не слово, не имя, просто выдох полный наслаждения, растянутый и беспомощный, пока тело сотрясилось в судорогах несколькими долгими сокращениями, которые я ощущала так отчётливо, что могла бы их посчитать.

Нелли поднялась. Не сразу, она ещё несколько секунд оставалась там, где была, пока последние сокращения не прошли совсем, а потом выпрямилась и посмотрела на меня.

Её лицо было таким же спокойным, как в начале.

Не торжественным или значительным. Просто, спокой-

ным, как будто то, что произошло, было для неё не открытием, а подтверждением чего-то, что она и так знала.

Я смотрела на неё снизу вверх и не могла придумать ни одного слова, которое подошло бы к этому моменту. Спасибо, смешно. Зачем, глупо, почему, тоже не то. Она бы и не ответила, я уже понимала это: она разговаривала иначе.

Она протянула руку и поправила мою рубашку, один короткий и спокойный жест, как поправляют воротник, и встала с кровати.

Подобрала сумку с пола, открыла дверь и вышла. Дверь закрылась за ней так же тихо, как закрывалась в начале, без щелчка и хлопка, просто закрылась. Как будто ничего не произошло. Как будто она зашла уточнить что-то незначительное и ушла, получив ответ.

В коридоре слышались её шаги, ровные, неторопливые и потом затихли.

Я лежала. Потолок был прежним, жара была прежней, яблоня за окном не шевелилась. Но что-то изменилось, не снаружи, а внутри. Что-то, что я не могла ещё назвать правильным словом, но чувствовала очень ясно: как тепло от чужого присутствия, которое остаётся после того, как человек ушёл. Как след.

Я никогда не думала, что это возможно, что желание можно разделить, не называя его. Что кто-то может увидеть тебя в самый обнажённый момент, не метафорически обнажённый, а буквально, без защиты, объяснений, и ответить не

словами, а чем-то большим, принятием, которое не требует разрешения и не просит благодарности.

Нелли не спросила, хочу ли я, она увидела что хочу и пришла. Это было не нарушением, это было ответом. Я подтянула простыню и уставилась в потолок. Огурец лежал рядом на простыне по-прежнему нелепый, обыденный. Я смотрела на него долго, а потом всё-таки засмеялась, тихо, сама себе, потому что в этой нелепости было что-то совершенно честное.

Тело разговаривает, поняла я сегодня утром. Теперь я поняла кое-что ещё, иногда оно умеет слушать.

* * *

Вечером того же дня.

Она лежала тихо.

Потолок был прежним, небольшая трещина у карниза, которую она видела и раньше, но никогда особенно не замечала. Сейчас замечала. Смотрела на неё, как смотрят на якорь: чтобы не закружилась голова.

Тело остывало. Не в плохом смысле, как остывает горячий чай, когда уходит жар и остаётся только тепло, уже не острое, но более глубокое. Она чувствовала простыню под лопатками, жару, собравшуюся под потолком, слабый сквозняк из приоткрытого окна. Слышала, как где-то в соседней комнате скрипнула половица. И тишину.

Нелли не ушла.

Это Эмили поняла по тени, той что лежала на краю кровати, чуть сдвинувшись, но не исчезнув. Нелли стояла и, ка-

жется, просто смотрела на неё. Не изучала, не оценивала, смотрела так, как смотрят на что-то, в правильности чего не сомневаются.

Потом она снова села, медленно, без спешки. Как человек, который никуда не торопится и знает это.

Эмили не пошевелилась, рука Нелли опустилась на её руку, вот и всё. Ладонь была тёплой, сухой. Не сжала, не погладила, просто легла, накрыв пальцы Эмили своими, словно спрашивала что-то, не произнося вопроса вслух. Жест был настолько неторопливым, что Эмили успела его почувствовать трижды, сначала как прикосновение, потом как вес, потом как тепло, которое начало медленно просачиваться сквозь кожу.

Она не убрала руку.

Внутри была только одна мысль, отчётливая и спокойная, как строка в книге, которую не нужно перечитывать: это можно.

Не «это разрешено» разрешения никто не давал, и никто его не спрашивал. Просто, можно. Как можно дышать, как можно смотреть в окно. Что-то до такой степени само собой разумеющееся, что даже странно, почему это вообще нуждается в осознании.

Нелли переместила руку медленно, давая время, и её пальцы скользнули вверх по запястью, по внутренней стороне предплечья, туда, где кожа тонкая и чувствительная, и Эмили ощутила это как маленький ток, не болезненный, а

такой, от которого по коже проходит лёгкая дрожь, как будто что-то просыпается. Запах её духов, что-то цветочное с чуть горьковатой древесной основой, заполнил промежуток воздуха между ними. Тихое дыхание, своё и чужое, почти в одном ритме.

Нелли не говорила. Она двигалась так, как движутся люди, которые точно знают, что делают, не торопясь, и не объясняя. Просто, делая. И в этом молчании было что-то, что не давило и не требовало, а наоборот, освобождало от необходимости отвечать словами на то, что слов не просило.

Эмили позволила. И это само по себе было выбором.

Когда Нелли наклонилась над ней, Эмили почувствовала сначала дыхание, тёплое, почти неосязаемое, у шеи, потом у ключицы, потом ниже. Её губы касались кожи без торопливости, как будто она читала что-то, написанное очень мелко, и не хотела пропустить ни одной буквы. Эмили лежала и смотрела в потолок, но уже не видела трещину, она закрыла глаза сама, не заметив момента, когда это произошло.

Она не знала, как это делается. Вернее, знала теоретически, так, как знаешь о чём-то, не пережив этого, умом, по случайно услышанным разговорам, по тому ощущению, которое осталось, когда однажды смотрела в щель на Нелли и Шона и видела что-то, что не предназначалось для её глаз, но объясняло многое.

Но сейчас Нелли руками направила её голову, мягко, как поворачивают цветок к свету. И Эмили поняла не словом, не

инструкцией, а телом, куда её ведут. Она не сопротивлялась, она потянулась.

Первое, что она почувствовала, тепло. Потом пришёл запах, что-то живое, влажное, совершенно лишённое притворства. И вот её губы коснулись кожи бедра, и Нелли чуть задержала дыхание, один маленький, почти неслышимый звук, и это дало Эмили неожиданную уверенность.

Она нашла её клитор языком, не сразу, не точно с первого раза, но нашла и же не теряла. Это было похоже на то, как нащупываешь нужную клавишу в темноте и вдруг слышишь правильный звук, понятно что вот оно, и тело говорит тебе об этом яснее любых слов. Нелли откликалась, не голосом, почти беззвучно, но Эмили чувствовала это в натяжении мышц, в том, как менялось дыхание, в маленьких непроизвольных движениях, которые невозможно подделать.

Эмили посасывала и покусывала его осторожно, потом увереннее. Язык двигался медленно вокруг возбуждённого бугорка, иногда переходя на само влагище, проходя его сверху до низу и обратно. Она прислушивалась к тому, что происходит с Нелли, так внимательно, словно тело другого человека было языком, который она начинала понимать, не переводя, а сразу, непосредственно.

Потом она нашла её анус.

Пальцами, аккуратно, с вопросом в движении. Нелли не напряглась, она, наоборот, чуть раскрылась, разрешая, и Эмили ощутила это как приглашение. Она гладила нежно,

по кругу, не торопя, и продолжала то, что делала языком, и чувствовала, как две точки прикосновения начинают работать вместе, усиливая друг друга.

Она не знала, что это так, что тело другого человека может быть таким понятным, таким отзывчивым, таким живым.

Что-то нарастало в Нелли, Эмили это чувствовала, потому что чувствовала через собственную кожу, через то, как мышцы бедра под её щекой напрягались и отпускали, напрягались и отпускали. И в этот момент поняла, что и её собственное тело снова начинает отвечать, медленно, глубоко, откуда-то изнутри, не как в первый раз, острым и почти испуганным всплеском, а иначе, как прибой, который нарастает ровно и неотвратно.

Нелли двигалась умело, точно, и Эмили не успевала за всем, что происходило, просто позволяла этому происходить.

Оргазм пришёл не как удар, как волна, которая поднимает и держит. Тихий внутренне, хотя снаружи она, кажется, всё-таки издала какой-то звук, не слова, просто звук, и несколько секунд лежала совершенно неподвижно, пока сокращения медленно затихали, как круги по воде.

И почти одновременно, по тому, как изменилось дыхание Нелли, как напрягся, а потом разжался каждый мускул под руками и под губами Эмили, она поняла, что та тоже пришла к своему.

Молча, как всегда.

Они лежали.

Эмили смотрела в потолок и ни о чём не думала. Не потому что мыслей не было, а потому что мысли были слишком большими, чтобы помещаться в слова прямо сейчас. Они были скорее ощущениями: тепло, тихость, что-то вроде изумления, очень спокойного.

Оказывается, можно вот так.

Не как открытие, требующее объяснения. Просто, можно. Как будто она всегда это знала, но только сейчас проверила.

Нелли повернулась, она не смотрела на Эмили с торжеством или с нежностью, она смотрела просто, ровно, как человек, который сказал что-то важное и доволен тем, что его услышали. Потом её рука поднялась и легла на волосы Эмили, и медленно прошла от виска к затылку, один раз, второй, и это было так просто и так хорошо, что Эмили закрыла глаза.

Потом губы Нелли коснулись её груди. Нежно. Поочерёдно, левая, правая. Не торопясь, и не требуя ничего в ответ. Её язык медленно обвёл сосок и слегка прикусил, и Эмили ощутила, как по коже прошла дрожь, не возбуждение теперь, а что-то другое: тихая, почти детская благодарность телу за то, что оно умеет вот так чувствовать. Что оно вообще умеет.

Нелли не говорила, не говорила ничего, и не нужно было, слова были лишними в этой жаркой тишине.

Потому что всё, что нужно было сказать, уже было сказано вот этим, и этим, и этим. Руками. Губами. Теплом. Ти-

шиной, в которой не было неловкости, только присутствие двух людей, которые только что разделили что-то настоящее и не нуждались в том, чтобы давать этому имя.

Эмили лежала и чувствовала, как её волосы перебирают тёплые пальцы, и думала, не думала даже, просто понимала, с той ясностью, которая бывает только после чего-то очень настоящего, что она никогда не понимала людей, которые стесняются своего тела. Своего или чужого. Потому что тело — единственное, что точно твоё, и его не надо стесняться. Им надо наслаждаться, когда хочется. И наслаждаться другими телами тех людей, что тебе нравятся.

Нелли поцеловала её ещё раз, легко, в висок, и встала.

Тихо. Без объяснений.

* * *

Нелли ушла, дверь за ней не закрылась плотно, осталась приоткрытой на ширину ладони, и в эту щель тянуло тёплым сквозняком, лёгким, почти неощутимым, как дыхание спящего. Эмили лежала и смотрела в потолок. В знакомую трещину у карниза, которая шла от угла к центру и заворачивала там неожиданно, как будто передумала.

Она лежала и не двигалась, ге потому что не могла. А потому что не хотела торопить это состояние, разлитое по телу, тёплое, немного тяжёлое в хорошем смысле, как бывает после долгой прогулки или горячей ванны. После чего-то, что потребовало от тебя чего-то настоящего и взяло это.

За окном яблоня по-прежнему не двигалась, жара не от-

ступала.

Эмили попробовала найти в себе стыд.

Это было странно, искать его так методично, как ищут вещь, которую наверняка куда-то положили, просто не помнишь куда. Она поискала там, где он должен был быть, где-то за грудиной, чуть ниже, в том месте, которое сжимается, когда делаешь что-то неправильное. Помнила, как это бывает, то сжатие, когда соврёшь маме или скажешь что-то лишнее. Оно было знакомо ей, это чувство. Она знала, как оно устроено.

Но сейчас его не было, она поискала ещё раз, тщательнее, и честнее. Может, стыд прячется поглубже, за чем-то другим? Может, завтра он придёт, вот тогда и накроет по-настоящему? Может, это просто шок, и она ещё не успела осознать?

Нет.

Она сказала себе это без торжества и без облегчения, просто как факт. Нет. Не придёт, потому что не за что. Потому что не было ничего такого, за что должно быть стыдно, и она чувствовала это не умом, умом можно убедить себя в чём угодно, а вот этим, телесным знанием, которому не нужны аргументы.

Это её удивило, не само отсутствие стыда, нет. Удивило то, что она так долго не знала об этом. Что где-то внутри жило устройство, которое должно сигнализировать об ошибке, и оно молчало, и молчание его было не поломкой, а ответом.

Оказывается, я такая.

Мысль легла на место спокойно, как ключ в замок, без усилия. Как будто она всегда это знала и просто ещё не сформулировала.

Она думала о том, как лежала и смотрела на собственные руки в то утро, когда всё началось, нет, нет, ещё раньше, когда впервые подглядывала в щель и внутри что-то сдвинулось, что-то признало себя, и она тогда не понимала, как назвать это сдвинувшееся. Теперь понимала, это было желание. Простое, конкретное, её собственное желание, а не придуманное, не чужое, и не взятое напрокат из чьих-то слов о том, как должно быть.

Её. Тело её. И то, что оно хочет, тоже её. Это была не мысль, а что-то более раннее, чем мысль, понимание, которое существует до слов и не нуждается в том, чтобы его одобрили.

Она вспомнила зачем-то, без всякой логики, как в школе одна из девочек, Хлоя, краснела, когда разговор заходил о телесном. Как прикрывала руками декольте, даже если декольте никакого не было. Как говорила «это неприлично» и смотрела вниз. Эмили тогда не понимала этого и не понимала сейчас. Чего стесняться? Тела? Своего? Того, что ты в нём живёшь каждую секунду, что оно дышит и болит и радуется и хочет, и всё это ты? Какой в этом смысл, отворачиваться от единственного, что точно твоё?

Она никогда не понимала этого. Теперь, кажется, понима-

ла ещё меньше.

Потому что сегодня, вот это, вот здесь, вот с Нелли во второй раз, которая не сказала ни слова, которая просто вошла и была рядом и позволила всему случиться, это было не стыдно. Это было хорошо. Тепло, точно, правильно не в смысле «морально одобрено», а в смысле «соответствует тому, что я есть». Как будто она долго носила что-то под чужим именем, а сегодня наконец узнала настоящее.

Она думала о Нелли, не о том, что та сделала, нет. О том, как она это сделала. Без слов и объяснений, без того, чтобы превратить это в событие, в поступок, в разговор о последствиях. Просто, была, и просто позволила. А потом ушла, тихо, не требуя от Эмили никакого ответа, никакой реакции, никакого решения прямо сейчас.

Умная женщина.

Это пришло с теплотой, без иронии, Нелли умная. Она знала что-то, что Эмили только начинала понимать, что тело умеет разговаривать без слов, и этот разговор настоящий. Что молчание может быть принятием. Что не нужно объяснять то, что и так понятно, этим только испортишь.

И Эмили подумала: завтра.

Подумала об этом спокойно, без тревоги, с тем самым исследовательским любопытством, которое она теперь признала своим. Завтра Нелли придёт на кухню и поставит чайник, и они будут пить чай с сухим бисквитом, как всегда, и, может быть, ничего не изменится внешне. А может быть, что-то

будет, какое-то молчание другого качества, или взгляд, или просто присутствие, которое будет означать то, что слова всё равно не могли бы точно выразить.

Эмили не знала, что будет, и это было не страшно.

Это было интересно.

Она раскинула руки в стороны и вытянулась во всю длину, чувствуя, как кровать мягко принимает её вес. Закинула голову назад. Раздвинула ноги широко, лениво, и без всякой цели, просто потому что так хотело тело, занять пространство, расправиться, стать больше, чем обычно позволяешь себе быть. Воздух был тёплым и неподвижным, и он касался её везде, там, где кожа всё ещё помнила прикосновения, где влага ещё не высохла, где клитор едва заметно пульсировал, отходя от оргазма, утихая, как колокол, у которого кончается звук.

Она была открыта. Буквально и в каком-то другом смысле тоже, так, что одно не отделялось от другого. Её влагалище ещё блестело в слабом свете, мокрое от собственного удовольствия, и она смотрела вниз на себя, без спешки, и смущения, с тем же вниманием, с каким художник смотрит на что-то красивое. С признанием.

Вот я. Настоящая.

Не вопрос, или итог. Просто так..

Она думала о том, что будет дальше, и не имела в виду завтрашнее утро. Она имела в виду что-то большее, дни, лета, людей, которых ещё не встретила, тела, которых ещё не

знала, ощущения, у которых пока не было имён. Всё это было впереди, и она это чувствовала не как тяжесть, а как пространство. Огромное, незаполненное, её.

Сон пришёл медленно, как бывает в жару.

Не накрыл, а подступил осторожно, сначала только по краям, мысли стали менее чёткими, образы менее точными, тело тяжелее. Яблоня за окном сделалась размытой. Трещина у карниза растворилась.

Эмили засыпала, раскинувшись, открытая, в тёплой тишине, которая не требовала от неё ничего, и последнее, что она почувствовала перед тем, как окончательно уйти в сон, было не мыслью и не решением, а чем-то более простым и более точным: ожидание. Тихое, спокойное, совершенно лишённое страха.

Завтра будет.

И она хотела этого завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.